

Николай Петрович Вагнер

Фея Фантаста

Николай Петрович Вагнер ФЕЯ ФАНТАСТА

(вместо предисловия ко второму изданию)

Я помню её с тех пор, как стал помнить себя, но кто может сказать: когда и где в первый раз явилась на свет она — фея Фантаста?

Она везде и нигде! Она является из воды, из леса, из воздуха, из маленькой искорки, которая блеснёт на мгновение, в тёмных потьмах осеннего вечера, из большого пожара, от которого зарево высоко стоит в небесах; из холодной струйки, бойкого, студёного ключика, из бурной волны широкого могучего моря.

Она является вдруг, незваная, негаданная, и исчезает, как тень. Она является, как вечерний туман над уснувшей рекой, и улетает при первом свете дневной работы.

Она всё увеличивает и всё уменьшает, но у неё самой нет границ. В ней всё, что когда-либо существовало, и всё, что никогда не будет существовать. В ней целый, громадный, беспредельный мир, и весь этот мир обращается в ничто при первом слове, при первом движении холодного рассудка. Но без неё рассудок ничего не может создать, без неё мир пуст и холоден, без неё нет жизни и красоты, той жизни, неуловимой, неосязаемой, кото-

рая хранится только в её дыхании. Поэт, художник, музыкант, учёный приходят к ней, к её ключу живой воды, который живит и движет весь мир.

В тихий, ясный, тёплый вечер, когда вы лежите на лугу и кругом вас встают бесконечной сетью луговые травы и былинки, — с головками, колосиками и шапками цветов, всмотритесь в их бесконечную игру, и вы почувствуете их жизнь и тайны. Это уже не травы, не цветы, нет, это странные деревья уродливых, невиданных форм. Они встают перед вами, как громадные великаны, и смотрят на вас, таинственные, страшные, грозные, смотрят в вашу совесть, в вашу душу, как повелительные силы всей летней тихой ночи, всей величавой, могучей природы. Вы делаете лёгкое движение головой и... весь таинственный мир улетел, фея Фантаста унеслась, и вы снова среди тихого, ясного летнего вечера...

В осенний день взгляните на бледное, зеленоватое небо. Кудрявые облака целой стаей несутся перед вами — словно бесконечные толпы немого народа. Вот один седой великан ползёт выше, выше — в тёмную лазурь

неба; его мантия раскинулась широко и тянется за ним; один клочок его оторвался, растаял, потонул в зеленоватом море. Вот целое воинство, словно волны морские, на которые упал ослепительно яркий луч солнца. Оно движется, плывёт, вырастает перед вами в громадные массы; а там, словно стада серебрястых барашков. Они тихо приближаются к вам, растут, как тени волшебного фонаря, темнеют, надвигаются. Нет, это не барашки, это тёмные великаны: вы видите их безобразные лица. Они смотрят на вас, плывут ближе, ближе... Лёгкое движение головы — и всё исчезло, фея Фантаста унеслась. Перед вами только тёмные тучи и бледно-зеленоватое небо.

В сумрачный день, когда волны моря разбиваются у ваших ног, присядьте на берегу на камень и вслушайтесь в музыку моря. Над вами несутся небесные волны — громады облаков, а у ног ваших встают одна за другой бесконечные горы с белоснежными вершинами. Вот вдали поднимается одна. Но что же в ней, в этой прихотливой, изменчивой волне, не образ ли, милый вам? Она встаёт, она закипа-

ет. Вот она взмахнула белоснежной рукой и исчезла. Вы это видели так ясно в тот момент, когда волна встала во всю вышину её. Но вот встаёт другая — она летит прямо к вам: прозрачная, глубокая, она полна неги, бурной силы. Смотрите в её глубину, смотрите в эту таинственную светло-зелёную, аквамариновую бездну! Что в ней мелькает? Целое воинство тёмных образов. Они быстро подплывают к вам ближе, они вертятся, прыгают, как языки пламени в адском огне. Они растут, — встают перед вами целой горой, закрывают свет... Жутко и холодно становится на сердце... Но миг, один миг — и с страшным шумом всё обрушилось, всё разбилось в пену, в брызги, у ваших ног... Фея Фантаста исчезла... Перед вами снова необозримое море и вечные волны.

Тёмным вечером вы входите в дремучий лес. Вы делаете несколько шагов, и вас охватывает невольное смутное чувство чего-то пугающего. Вы говорите: «Пустяки, ребячество!» — и бодро идёте вперёд... С боков вместе с вами идут большие деревья. Они плывут незаметно в ночном сумраке... Вон впереди лежит что-то чудное, безобразное. Вы всмат-

риваетесь — это какое-то чудовище, растрёпанное, горбатое. Но оно не движется, и ещё страшнее его мёртвая неподвижность. Вы подходите ближе — мёртвое чудовище просто связка хворосту. Но так странно разбросались сучья и этот пенёк, кривой, корявый, на котором лежит оно. Вы отступаете несколько шагов назад, и чудовище снова явилось... Вот его голова, вот его руки, — длинные руки. Они растянулись по земле, ползут к вам, хватают за ноги. С ужасом вы отскакиваете назад; а чудовище по-прежнему лежит неподвижно. Вы бодро и гордо проходите мимо него, вы с презрением толкаете его ногой и спускаетесь в ложбинку к болоту. Беловатый пар клубится над ним. Вы всматриваетесь в игру этого пара. Вон на окраине он поднялся выше и быстро проскользнул в лесную чащу, но, уходя, он оглянулся на вас, сверкнул глазами и исчез... Вы видели это так ясно, отчётливо, что не можете решить, действительно ли это был лесной царь — «в белой короне, с седой бородой», или просто туман над болотом. Вы долго пристально вглядываетесь в него — может быть, он снова промелькнёт. Но клубы

постепенно плывут, уходят...

Лесной царь не является. Фея Фантаста улетела...

Я помню, давным-давно, когда ещё я был очень молодым котом и голова моя работала так энергично, как будто бы в ней был паровик в сто лошадиных сил, фея Фантаста часто являлась ко мне, являлась в бессонные ночи и летала со мной по всему миру. Я помню, раз, в тёмный зимний вечер, когда вьюга злилась и завывала в печных трубах, — я лежал на тёплой лежанке. В комнату внесли самовар и поставили на пол. Пар от него валил густыми клубами и белел, освещённый салным огарком. Он чадил и догорал. Пламя порывисто, ярко вспыхивало и снова затухало. Мне представились облака, быстро несшиеся над волнами тёмного, колыхавшегося моря. Я слышал шум этого моря, и тяжёлое чувство сдавило мою грудь. Мне казалось, что всё погибло в этом мраке, в этом море, в сильных волнах разрушения, и мы остались одни, — одни с феей Фантастой. Мы плавали по этим волнам громадного моря. Фея Фантаста скользила, неслась по ним на могучих крыльях

творчества. Огонь вдохновенья гордо горел над её прекрасной головой. Цветы поэзии дождём сыпались с её колен, сыпались в холодное шумящее море и тонули в нём бесследно. Она вся была гений увлечения, и я плыл у её ног, — плыл в маленькой уютной корзинке, которая была колыбелью. В корзинке, кроме меня, было ещё двое детей, двое мальчиков, и в них было всё, что осталось от всего человечества. В них был конец прошлого и начало новых, будущих великих сил.

Один мальчик, сонный и вялый, спал безмятежно. Его не занимали ни цветы поэзии, ни движения холодного моря. Другой — сухощавый, с маленькой кудрявой головкой, был весь движение. В нём было столько энергии, столько дорогого, милого, что я ласкался к нему невольно и шептал ему мои лучшие, дорогие сказки...

Кругом нас была ночь. Тёмные тучи бурно неслись по небу и отражались в волнующемся море.

— Смотри, — сказала фея Фантаста, указывая рукою вдаль, — смотри, там, там, на горизонте, где собрались тёмные образы, там бу-

душий свет и жизнь!..

Я зорко всматривался и ничего не видал.

Но мой маленький мальчик уже увидал, различил и, может быть, больше, чем сама фея Фантаста.

— Я вижу свет, — говорил он, — свет неясный... Заря это или зарево пожара? Но как хорош этот свет! О! как он дивно прекрасен!..

И я сам увидал этот свет. Да! Он был дивно прекрасен. И я начал будить другого спящего мальчугана. Он проснулся, посмотрел, мигая сонными глазами, ничего не видя, посмотрел на свет, на море, на небо, — повернулся и снова свалился и заснул.

— Оставь его, — сказала фея Фантаста. — Это — балласт!.. Но если бы не было этого тяжёлого балласта, то не было бы и движения, и люди не могли бы отличить лёгкого от тяжёлого, света от тьмы...

— Как же, — сказал я, — там, там, на горизонте виден свет, и мы его ясно различаем?

— Да! потому что он окружён тьмою. И здесь, где мы плывём, был для нас прежде свет и всё уродливое казалось прекрасным.

Я обернулся кругом, я долго всматривался

в тьму и действительно увидел бледный, чуть брезжущий свет. Я взглянул в глубь моря и увидел, что оно всё наполнено образами прошлого, неуклюжими, уродливыми, но милыми, дорогими сердцу, как всё прошлое и родное.

— Это всё, — сказала фея Фантаста, — что совершило свой круг и отошло в глубину, в пучины морские. Но если бы не было балласта, то не было бы и источника, из которого возникает и вертится неизмеримый, бесконечный круг того, что идёт постоянно вперёд, не было бы и этого мальчика, — и она указала на хорошенькую головку.

Мальчик слышал наш разговор, но его, очевидно, занимал и вдохновлял тот свет, который блестел впереди. Он так боялся, чтобы этот свет не закрыли тёмные, грозные тучи. В его глазах было столько блеска, столько веры в собственные силы и в силы всего человечества...

«Обманется или нет?» — подумал я.

Вдруг страшный удар. Я вздрогнул и привскочил в испуге. Фея Фантаста исчезла... Кругом меня тёмная комната. Я сидел на тёплой

лежанке. Самовар давно уже унесли, а на полу валялась пустая бутылка, которую я нечаянно столкнул лапой.

Много, много лет прошло с тех пор. Я поседел. Фея Фантаста реже является ко мне. Но до сих пор жива и ярка в моей памяти картина молодого, юного, давно улетевшего сна.

Много балласта лежит кругом меня, но я знаю, что без него не было бы движения, и много движения перегорает в огне пылких, чудно-прекрасных снов феи Фантасты.

Они манят вдаль, к лучшему, святому, великому. Они дают свет и тепло нашей бедной жизни и, сгорая блестящими бенгальскими огнями, оставляют после себя не холодный пепел, а твёрдый, торный путь для развития мысли и чувства.